

СТРОЕВ-СТАТЬИ

<http://stroev-articles.narod.ru>

Публикации других авторов

]Конец мультикультурной эпохи

Ионин Леонид Григорьевич – доктор философских наук, профессор, декан Школы российских исследований ГУ-ВШЭ.

Правильно говорили древние латиняне, что книги имеют свою судьбу. Но обычно судьба у книг долгая, она совершается медленно, длится годы, десятилетия, иногда века. Очень редко она напоминает триллер с завораживающим сюжетом, с упорной борьбой, падением, почти что гибелью героя и его конечным торжеством, как это произошло с рецензируемой книгой Саррацина «Германия упраздняет себя».

Рецензия на книгу: Thilo Sarrazin. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, Munchen, 2010.

Тило Саррацин

Habent sua fata libelli

Правильно говорили древние латиняне, что книги имеют свою судьбу. Но обычно судьба у книг долгая, она совершается медленно, длится годы, десятилетия, иногда века. Очень редко она напоминает триллер с завораживающим сюжетом, с упорной борьбой, падением, почти что гибелью героя и его конечным торжеством, как это произошло с рецензируемой книгой Саррацина.

Когда у книги такая судьба, ее трудно рецензировать. Только подготовишь вроде бы адекватный обзор содержания и оценишь ее роль в развитии идей, как с ней, или в ее окрестностях, снова что-то произошло, и ее роль и значение высветились по-новому. Именно так и было с рецензируемой книгой.

Вообще-то она была с самого начала рассчитана на скандальный успех. Об этом свидетельствует как ее название — «Германия упраздняет себя» [1] с подзаголовком «Как мы поставили свою страну на карту», — так и слава автора в качестве «анфантеррибля» и политического провокатора. Тило Саррацин безусловно принадлежит к тому слою немецкого общества, который по аналогии с известным слоем нашего советского прошлого можно назвать номенклатурой. Он родился в 1945 г., в тридцатилетнем возрасте поступил на госслужбу, более четверти века проработал на руководящих должностях в министерстве финансов, в частности, руководил комитетом по внутригерманским отношениям, который занимался подготовкой новой — объединенной — денежной системы на территории воссоединенной Германии, затем в компании «Deutsche Bahn» («Немецкие железные дороги»), с 2002 по 2009 г. был сенатором по вопросам финансов в берлинском сенате, а с мая 2009 по сентябрь 2010 г. — членом совета директоров Немецкого федерального банка.

Все это время он оставался влиятельным членом СДП Г (Социал-демократической партии Германии). Но вся его биография представляет собой непрерывный ряд трудовых и политических конфликтов, зачастую приводящих к судебным процессам. Так, после его ухода из «Deutsche Bahn» возник конфликт между ним и его бывшим руководством по вопросу выплаты выходного пособия. Он требовал выплаты ему пособия в трех инстанциях вплоть до Верховного суда, где и получил окончательный отказ. Дело было в том, что Саррацин вступил в должность берлинского сенатора по финансам, продолжая оставаться членом Совета директоров «Deutsche

Bahn», то есть в нарушение трудового договора, запрещающего заниматься иной оплачиваемой деятельностью во время работы в компании.

Уже в период работы в сенате Берлина прокуратура привлекала его к ответственности по обвинению в нецелевом расходовании бюджетных средств. Суд отказался принять дело к рассмотрению по причине несостоятельности доводов прокуратуры. Позднее, в 2009 г., было возбуждено новое уголовное дело. Его обвиняют в том, что он продал муниципальный участок земли гольф-клубу «BerlinWannsee» по неоправданно низкой цене. Саррацин свою вину отрицает.

Точно так же из сплошных конфликтов состоит его политическая биография, особенно в период его работы в берлинском сенате. Он неоднократно выдвигал лозунги из разряда тех, что у нас называют «непопулярными»: то призывал к снижению социальных выплат, то утверждал, что пособие по безработице может составлять менее 4 евро в день и для жизни этого достаточно, то заявлял, что безработные сами виноваты в том, что у них уходит много денег на оплату счетов за электричество (они, мол, слишком много сидят дома, любят тепло, а если им жарко, открывают окна), а то высказывался против повышения размера пенсий, полагая это совершенно бессмысленным мероприятием. Все это принесло ему сомнительную славу и не прибавило популярности среди товарищей по партии.

В начале 2009 г. Саррацин ушел с должности в берлинском сенате и стал членом совета директоров Бундесбанка («Немецкого федерального банка»), и очень скоро разразился скандал, который, можно смело сказать, превратился в скандал его жизни, — вышла в свет книга «Германия упраздняет себя».

Сканальность этого произведения заключается в том, что в нем поставлены под сомнение или прямо отрицаются не просто принципы, которыми руководствовалась германская политика на протяжении уже почти полувека, но священные принципы, составляющие кредо каждого просвещенного либерала, демократа и социалиста, вообще европейца, а именно: принципы мультикультурности, толерантности и политической корректности. Идеальный нерв книги — мысль, ярко выраженная в одном из нашумевших интервью Саррацина [2]. Он сказал, что значительная часть арабских и турецких иммигрантов не может и даже не хочет стать частью немецкого общества: «Интеграция есть задача того, кто интегрируется. Я не обязан терпеть того, кто ничего для этого не делает. Я вообще не обязан кого-то терпеть, кто живёт на средства государства, отрицает это государство, не заботится об образовании своих детей и беспрерывно производит на свет маленьких девочек в платках».

Нападение на священных коров, конечно, не могло остаться без последствий. Слова Саррацина вызвали критику со стороны политиков, представителей профсоюзов и политологов. Президент Бундесбанка Аксель Вебер выразил недовольство высказываниями Саррацина от имени банка. Он потребовал отставки Саррацина, но последний отказался уйти добровольно. Тогда совет директоров ограничил полномочия Саррацина. Ну, а когда вышла в свет Книга, правление Бундесбанка постановило ходатайствовать перед президентом Республики об освобождении Саррацина от должности члена совета директоров. Это произошло совсем недавно, в первых числах сентября сего, 2010, года. А еще через несколько дней по инициативе и при посредничестве администрации федерального президента была достигнута договоренность между представителями Немецкого федерального банка и Саррацином о том, что тот добровольно покинет свой пост 30 сентября. В обмен на это, пенсия, которую он будет получать по достижении им пенсионного возраста, должна быть поднята на 1000 евро в месяц до уровня, соответствующего плановому окончанию его контракта с федеральным банком, который должен закончиться в 2014 году. Саррацин издевательски прокомментировал свой добровольный уход, объяснив его нежеланием ставить под удар авторитет должности федерального президента в

случае, если бы тому пришлось отправить Саррацина в отставку своим распоряжением, и оно было бы впоследствии признано судом незаконным. Также Саррацину грозит исключение из СДПГ.

На этот момент можно было бы предсказать довольно банальное разрешение конфликта: единодушное негодование и протест со стороны всех вместе взятых политических сил и партий, бурю возмущения в СМИ, обвинения в национализме и фашизме (которые, впрочем, уже имели место, как и все перечисленное), а затем уход с государственной и политической сцены и пенсионное доживание в качестве живого напоминания о том, что ждет человека, осмелившегося нарушить ценностный консенсус, составляющий политический базис общества, то есть выступить против господствующей идеологии. Таковые случаи имели уже место в Федеративной республике. Достаточно назвать имя известной писательницы и телеведущей Евы Герман, которой критика феминизма и социальной политики, поощряющей гомосексуализм и разрушающей семью, стоила карьеры и долгих лет бесплодной судебной борьбы. И так будет с каждым, кто покусится..., в том числе и с Саррацином, — можно было бы предположить, учитывая довольно долгий уже опыт консервативной критики названных выше священных принципов немецкой, да и не только немецкой, но и вообще современной западной политики. Но я не случайно сказал, что судьба этой книги напоминает триллер. Как раз в тот момент, когда уже развертывалась кампания, в просторечье именуемая травлей, и когда даже федеральный президент косвенно выразил свое отношение к идеям Саррацина, заявив, что ислам является неотъемлемой составной частью германского общества, телеграфные агентства разнесли сообщения о выступлении канцлера Ангелы Меркель на съезде молодежного крыла ХДС («Христианско-демократический союз» — старший партнер правящей коалиции). «Фрау канцлерин» произнесла слова, в реальность которых, казалось, невозможно поверить: она сказала, что концепция мультикультурализма не работает в Германии. Она сделала реверанс в сторону федерального президента, сказав, что ислам, конечно, является частью Германии, но одновременно и воспроизвела практически высказывания Саррацина, заявив, что иммигрантам надо прилагать больше усилий для того, чтобы интегрироваться в немецкое общество, включая необходимость знать немецкий язык.

Для того чтобы оценить значимость этих высказываний, надо понимать, что значит мультикультурность для немецкой внутренней политики последних сорока с лишним лет. Само это слово происходит от английского «multiculturalism» и появилось оно в 60-е годы в политическом лексиконе в Канаде, затем в США, Австралии и других странах со значительным уровнем иммиграции. В Германию понятие «мультикультурное общество» пришло в 70-е годы и мгновенно стало ключом к иммиграционной политике и одновременно лозунгом, объединяющим все антинационалистические силы и течения.

Общество считается мультикультурным, когда оно состоит из людей, говорящих на разных языках, следующих разным традициям и исповедующих разные религии. Это «хорошее» общественное состояние, отвечающее идеалам свободного, открытого, плюралистического общества. Считается, что от этого свободного сожительства разнообразных групп выигрывают все. Современные общества мультикультурны, и мультикультурализм есть важнейший политический принцип современного развития. Федеральный Центр политического образования («Bundeszentrale für politische Bildung») подчеркивает важность мультикультурализма как идейного принципа и политического требования.

И вдруг канцлер ФРГ заявляет, что мультикультурализм в Германии «полностью провалился» [3]. Иммигранты, сказала она, должны нести гораздо больше обязанностей, чем они несут сейчас. Они должны не только соблюдать немецкие законы, но и обязательно знать немецкий язык. Хотя ислам — часть Германии, но большинство наших ценностей имеют иудео-христианское

происхождение, и об этом нельзя забывать. Нужно менять иммиграционную политику — нам нужны не претенденты на получение социальных пособий, отягощающие наши социальные системы, а квалифицированные кадры, способные конкурировать на рынке труда.

А днем раньше председатель «братской» по отношению к ХДС партии ХСС («Христианско-социальный союз») Хорст Зеehoфер в речи перед партийной молодежью сказал еще более прямо: «Мы выступаем за руководящую роль немецкой культуры и против мультикультурности. Мультикультурализм мертв»[4]. Поскольку именно сейчас полным ходом разворачивается дискуссия в связи с книгой «Германия упраздняет себя», журналисты мгновенно связали эти два факта: появление бестселлера, сокрушающего мифы и стереотипы, и выступление канцлера, знаменующее резкую смену политического курса. Что же такого сказал в своей книге Саррацин, что могло, как предполагается, повлиять на смену политики в масштабе всей страны?

Что действительно сказал Саррацин

А сказал он вещи, которые многим в этой стране уже давно казались сами собой разумеющимися, но непригодными для высказывания в публичной дискуссии, табуированными согласно принятым канонам политкорректности. И не то чтобы об этом вообще нельзя было говорить — говорить можно, но особым образом. Саррацин в предисловии пишет, что «общественный дискурс в Германии демонстрирует любопытное противоречие: с одной стороны, публичная дискуссия приняла характер развлечения и наслаждения скандалами, с другой — находится в плену политических эвфемизмов» (с. 8). Перечень самых острых тем практически совпадает с перечнем «запретных» тем.

О печальных последствиях падения рождаемости, говорит Саррацин, в течение десятилетий нельзя было сказать ни слова, чтобы не быть обвиненным в склонности к националистической идеологии. Сейчас, правда, это начало меняться, но только тогда, когда представители поколения 1968-го, ответственные, собственно, за эту табуизацию, стали опасаться за свои пенсии. Точно так же под знаком табу стояли социальные последствия неуправляемой миграции, и уж совсем нельзя было даже упомянуть о том, что люди различны — что они по-разному оснащены интеллектуально, более или менее ленивы или трудолюбивы, более или менее крепки в моральном отношении, — и что никакое равенство шансов и возможности образования ничего в этом отношении изменить не могут. Ну, а если эта последняя тема для дискуссии закрыта, то бессмысленным становится и обсуждение ошибочных стратегий социального государства, ведущих к падению общественной морали и снижению качества человеческого капитала.

Из перечня запретов как раз и возникают четыре тематических комплекса, которые детально обсуждаются в книге. Речь идет

- о начавшихся 40 лет назад демографических сдвигах и «генеративных поведенческих изменениях» и о том, как они будут проявляться в будущем;
- о содержащихся в социальной системе Германии стимулах к жизненному самоопределению, или как раз об отсутствии таких стимулов;
- о том, как в стране происходит социализация, как формируется образование и складывается общественная мотивация человека;
- о качестве, структуре и культурном фоне жизни мигрантов в Германии.

Собственно, это и есть главные темы книги: проблемы рождаемости, миграция, стратегия социального государства. Накопление идеологических и политических ошибок именно в этих трех сферах и привело к тому, что Германии, согласно Саррацину, грозит «самоупразднение».

Отличие работы Саррацина от многих других социально-критических сочинений состоит в строгости его описаний и ссылок на количественные показатели. Поэтому проще всего сразу привести таблицу, демонстрирующую причины его озабоченности.

Из этой таблицы, представляющей собой сокращенный и упрощенный вариант данных Саррацина (с. 456 – 457), явствует, что население Германии должно менее, чем за полвека уменьшиться почти на 20 % — с 88 до 66 миллионов жителей, причем уменьшение будет происходить за счет групп молодого трудоспособного населения: количество детей и молодежи до 20 лет уменьшится на 40 %, тогда как представителей возрастных групп старше 50 лет станет на 14 % больше, чем в 2005 году.

При этом в условиях двадцатипроцентного сокращения населения почти в два раза (около 40 %) возрастет количество получателей пенсий. Соответственно будет падать количество работающих, и к 2050 году количество тех, кому больше 65 лет, практически сравняется с количеством работающих. Германия превратится в общество старых людей. И на молодых, количество которых будет постоянно уменьшаться, ляжет практически непосильная задача пенсионного обеспечения всех этих стариков и старушек.

Уже из этих цифр следует неизбежный вывод о грядущем коллапсе социальной политики. Государство просто не будет располагать средствами, достаточными для поддержания не то что характерного для десятилетий процветания (60 – 80-е годы), не то что нынешнего, но вообще сколько-нибудь приемлемого уровня пенсионного и прочего социального обеспечения, способного гарантировать выживание зависимых от государственной заботы граждан.

Но это еще не вся беда. Меняется качественный состав групп населения, или, как принято говорить у социологов, качество социального капитала. Львиная доля прироста населения приходится на группы с высокой рождаемостью, а это, прежде всего, группы иммигрантов, которые не только характеризуются традиционно высоким уровнем деторождения, но и фактически побуждаются к деторождению мерами социальной политики — предоставлением пособий на детей и т. п. В то же время в немецких семьях рождаемость падает, особенно в семьях с высоким уровнем образования родителей. В младших классах немецких школ больше турецких и арабских, чем немецких детей. Сложилась совершенно определенная тенденция: растет количество детей в семьях с низким уровнем образования родителей, и, наоборот, уменьшается количество детей в семьях высокообразованных родителей. Не буду утомлять читателя статистикой и ссылками на документы международных организаций, приводимыми Саррацином, упомяну лишь, что, согласно этим данным, Германия — классическая страна науки и образования — оказывается, по результатам замеров компетенции школьников, в нижней половине рейтинга западных стран (с. 210 – 211). Отсюда и крик о помощи, вынесенный автором в подзаголовок главы, посвященной демографии и политике народонаселения: «Больше детей от умных, пока не стало слишком поздно!» (с. 331). Если выразить суть дела совсем просто, то основная тенденция развития современной Германии, по Саррацину, заключается в том, что население Германии уменьшается, беднеет и глупеет, все это происходит одновременно, и не известно, можно ли повернуть эти тенденции вспять.

Основания такого развития были заложены еще в «триумфальный» период конца 50-х, когда был проведен целый ряд институциональных реформ, каждая из которых, безусловно, была верно задумана и принесла много пользы. Но в их комбинированном воздействии эти реформы привели

к уничтожению общественной субстанции [здесь у Саррацина более сильный термин — Substanzverzehr, что следовало бы переводить как пожирание, поглощение субстанции], что угрожает теперь нашему будущему» (с. 16).

Двусмысленный термин «общественная субстанция» Саррацин не проясняет, хотя косвенные знаки имеются, и можно вполне обоснованно предположить, что под общественной субстанцией Саррацин подразумевает имеющиеся в социальной системе институционализированные стимулы и заключающиеся в системах социализации и образования средства формирования мотивов, побуждающих к достойной активной гражданской жизни в соответствии с разделяемыми обществом ценностями. Последнее определение составлено мною, рецензентом, хотя, как мне кажется, в соответствии с идеями автора. Сам Саррацин избегает всякого рода абстрактных суждений и дефиниций.

Возможно ли восстановление этой самой «пожранной» субстанции? Для меня это открытый вопрос, говорит автор. Дело даже не только в том, что невозможно наметить общественные и экономические реформы, не имея нормативного образа общества, а такой нормативный образ в сегодняшнем состоянии страны отсутствует; есть тревога и недовольство, но нет устойчивого представления о желаемом. Дело, повторяет автор, даже не в этом, а в том, что общество меняется, и каждое поколение сталкивается с новыми, собственными проблемами. Так не лучше ли проблемы будущих поколений оставить тем, кто будет жить в те времена! Задав этот риторический вопрос, он тем не менее не бросает начатое, а приступает к систематическому рассмотрению и поиску решений отмеченных выше проблем. «Как и большинство вещей в жизни, содержание этой книги амбивалентно: описываемые в ней тенденции имеют своими корнями материальное благосостояние и общественную стабильность, однако всегда есть точки, зацепившись за которые, можно что-то изменить к лучшему. И это надо делать!» (с. 21). Это он и делает в книге, систематически анализируя современные затруднения и возможные решения вопросов бедности и неравенства в современной Германии, проблем современных трудовых отношений и рынка труда, систем среднего и высшего образования, миграции и демографической политики. Это детальные, умные анализы; все говорится по существу; автор не прибегает к дешевым приемам алармистской публицистики. Как таковые, они безусловно важны и должны сыграть свою роль в публичной дискуссии и в принятии практических решений в соответствующих органах.

Но возникает вопрос: а откуда взялся скандал и чем объяснить миллионы проданных экземпляров книги Саррацина. Надо сказать, что у меня, как рецензента, вызывает недоумение ее экстраординарный успех. Особенно если учесть, что все сказанное в ней, в общем и целом не ново.

Действительно ли книга Саррацина определила смену политики?

Несмотря на то, что книга Саррацина уже много недель стоит первым номером в списке бестселлеров журнала «Шпигель», несмотря на то, что она будто бы открыла глаза политикам и населению страны, несмотря на то, что она вызвала ожесточенное сопротивление идейных противников и активную поддержку единомышленников, наконец, несмотря на то, что идеи о провале мультикультурного общества, прозвучавшие откровением в устах канцлера Федеративной республики, во многом совпадают с соображениями, высказанными Саррацином, в книге его... не содержится ничего принципиально нового. В ней оказались просто подытоженными, систематизированными и высказанными в достаточно доходчивой форме идеи, выраженные в течение последних полутора-двух десятилетий авторами, которых принято относить к духовному течению, именуемому иногда «новой гражданственностью» («*neue Bürgerlichkeit*»). Это такие авторы, как историк Пауль Нольте с его книгой «Рискованный модерн»

[5], член Конституционного суда Германии Удо Ди Фабио, написавший книгу «Культура свободы» [6], упомянутая выше писательница и телеведущая Ева Герман («Принцип Евы. К новой женственности») [7], Петер Хане, также телевизионный модератор и писатель («Хватит развлекаться: конец общества Удовольствий») [8], социолог Гуннар Хаймсон, философ Норберт Болц и многие другие.

На двух последних из названных мы остановимся чуть подробнее по двум причинам: Во-первых, потому что именно они раньше, чем Саррацин, сформулировали многие проблемы, описанные в его книге, и, во-вторых, потому, что они сформулировали некоторые из них полнее и глубже, чем Саррацин. Но сначала несколько слов о новой гражданственности вообще. Это идейное течение можно обозначить как новый немецкий консерватизм.

«Новогражданственники» — это немецкие «неоконы». Они ставят на традиционные ценности — семейные, гражданские, национальные. Они подчеркивают пагубность современных процессов, связанных с господством либеральных, массово-демократических и глобализационных тенденций, а именно: мультикультурности, толерантности, политической корректности. Они бьют тревогу, показывая, что современные демографические процессы в развитых странах, неразрывно связанные с необратимыми изменениями морального климата, могут привести к гибели традиционной Европы в ходе тотального изменения ее национально-культурного ландшафта.

Бременский социолог Г. Хайнсон выразил эти идеи наиболее полно и последовательно. Он заявил о происходящей ныне демографической капитуляции западного мира. Каждая из стран пытается поправить свою демографическую ситуацию, используя механизмы миграции. Международные миграционные потоки крайне сложны, но и крайне поучительны.

Если взять Европу, там наблюдается огромная иммиграция из стран третьего мира. Только Германия и только за 12 лет с 1990 по 2002 год приняла 13 миллионов иммигрантов. Согласно принятым критериям, отбор не был ориентирован на квалификацию приезжих и потребности рынка. Скорее, наоборот, принимались те, кто нуждался в помощи и спасении. Такие гуманитарные критерии привели к тяжелой ситуации. В стране растет число людей, сидящих на социальном пособии. Причем именно для таких групп характерен высокий уровень рождаемости, поскольку рождение детей увеличивает размер пособия. Они недостаточно образованы и недостаточно социализированы, чтобы выполнять работу, требующую определенной квалификации. В результате, по данным Хайнсона, в Германии остаются незанятыми 2 миллиона рабочих мест, при том что 6 миллионов живут на пособие и не могут заполнить эти места по причине отсутствия квалификации. Дело здесь не в каких-то расистских предрассудках, а в том, что они социализированы в такой среде, которая не в состоянии привить им интеллектуальные навыки, необходимые для занятия высоких позиций.

Именно такие молодые люди жгут машины и сражаются с полицией в Париже, Брюсселе и других европейских столицах. Некоторые из них оканчивают университет и становятся лидерами, умеющими аргументировано возвать к равенству и справедливости. Если экстраполировать эти тенденции в будущее, то можно предвидеть, что очень скоро западная культура вступит в свой последний бой на собственной исконной территории.

Но если даже воздержаться от чересчур драматичных сценариев, все равно европейские перспективы не назовешь благоприятными. По свидетельству Хайнсона в интервью датскому журналу «Сафо», около 52 % молодых немцев хотели бы покинуть Европу и переехать в США, Австралию, Новую Зеландию и другие англосаксонские страны [9]. То же самое положение во Франции и Голландии. Конечно, не все уедут, но уже само их желание весьма красноречиво. Дело не в том, что они не хотят поддерживать своих собственных стареющих соотечественников. Дело

в том, что, по подсчетам Хайнсона, если взять 100 граждан Франции или Германии, то внутри этих ста 70 французов или немцев своим трудом и талантами должны через посредство социальных институтов кормить 30 иммигрантов своего возраста.

Естественно, это вызывает возмущение, и, естественно, они уезжают. Германию ежегодно покидают около 150 тысяч, так сказать, этнических немцев, и оседают они в основном в странах англосаксонского мира, где иммиграционная политика ориентирована на высококвалифицированных кандидатов, которые будут нарасхват на рынке труда.

Получается, что страны старой Европы переживают что-то вроде ползучего завоевания, состоящего в постепенном замещении населения — вымывании активных, интеллектуально развитых, высококвалифицированных молодых людей и замене их дурно социализированными, плохо обученными, сравнительно слабо интеллектуально развитыми и не обладающими мотивацией к труду отпрысками иммигрантов — держателей социальных пособий. Где находится порог, знаменующий смену национальной и социальной идентичности страны, подвергшейся такому завоеванию, и как должна выглядеть эта смена, никто пока сказать не может.

Идеологию этого нового покорения Европы описал берлинский философ Норберт Болъц. Он показал неявные основания гремучей смеси из мультикультурализма, толерантности и политкорректности. Символ веры этой культурной революции Болъц сводит к четырем тезисам:

- 1) все жизненные стили равны, дискриминировать альтернативный жизненный стиль — преступление;
- 2) кто против политики уравнивания, тот расист, ксенофоб и сексист;
- 3) не гомосексуалы больны, а те, кто осуждает гомосексуалов;
- 4) ни одна культура и ни одна религия не превосходят другую [10].

Воспринять эти тезисы всерьез невозможно, но признаться в этом нельзя, если не хочешь быть заклеенным как расист, ксенофоб и сексист. Это точь-в-точь как с буржуазной идеологией, представляющей собой, согласно марксистскому учению, извращенное, ложное отражение действительности. Если ты не согласен с каким-то тезисом марксистской теории или требованием марксистской революционной практики, то ты находишься под влиянием буржуазной идеологии, то есть видишь мир в ее кривом зеркале. Вообще-то такие эмоции, как ненависть, презрение и прочее, а также необходимость репрессий вроде бы не запрограммированы в политкорректных ндивидах.

Но в том-то и дело, что терпимость в политкорректном обществе предписана только одной стороне. «Многообразие» и «мультикультурность», то есть справедливое и равное представление разных религий, культур и народов — это как «истина», «равенство» и «справедливость» в оруэлловском новоязе. На самом деле мы скорее имеем дело, как говорит Болъц, с инверсией традиционного культурного шовинизма. Идеал и образец — Азия и Африка, Запад — это то, что следует презирать и чего следует стыдиться.

Многообразие и равенство означает на практике: все минус одна. И эта одна — культура Запада. Существует множество фактов, показывающих, что во взаимодействии с иными культурами именно западная культура белого человека оказывается проигрывающей и страдающей стороной.

Новая гражданственность не представляет собой философской или социологической школы или направления. Авторы, которые пишут в этом русле, ощущая себя во многом единомышленниками, все же слишком индивидуалистичны, чтобы искать какого-то социального группового объединения. Связывают их в одно духовное течение скорее их противники, либералы и прогрессисты, противопоставляющие себя новым гражданам как «новым обывателям» [11].

Умные и глубокие работы Хайнсона и Больца, например, не получили в обществе того отклика, который получила книга Саррацина. Это можно объяснить, наверное, академической позицией их авторов. Граждане предполагают, наверное, что академик в принципе не обладает гражданской и политической ответственностью, которая должна быть присуща, например, политику, а потому может позволить себе любые мысленные эксперименты или даже экзерсисы, которые не обязательно принимать всерьез. Поэтому именно книга Саррацина превратилась в грандиозный бестселлер, тогда как не менее, а может даже более талантливые и глубокие работы Хайнсона, Больца и других, хотя и обсуждались довольно активно в академических кругах и в публицистике, не стали столь же значимым явлением общественной жизни. Но теперь, следует ожидать, — станут.

Выступление федерального канцлера с критикой мультикультурности и толерантности коренным образом изменяет политический ландшафт в Германии. Политическая борьба из «борьбы нанайских мальчиков», когда противники пытаются победить друг друга, стоя на одном месте и используя одни и те же аргументы, имеет шанс превратиться в подлинную политическую дискуссию. Книга Саррацина, вопреки мнению некоторых журналистов, напрямую связывающих ее с выступлением федерального канцлера, отнюдь не стала причиной этого происходящего поворота в политике консервативных партий. Но она, конечно же, сыграла свою весомую роль в идейном оформлении этого поворота. Не следует, впрочем, торопиться: самого этого поворота еще не произошло. Есть еще только намек на поворот. Но растущее общественное недовольство вкупе с ростом проблем в области как социальной, так и экономической политики начинает приводить к медленному развороту в идеологии, подготовленному писателями новой гражданственности. Заканчивается целая идеологическая эпоха — эпоха опьянения мультикультурностью и терпимостью, и наступает эпоха консервативных ценностей и гражданской ответственности. Речь идет не о смене партий у власти — христианской консервативной на прогрессивную социал-демократическую и обратно, а о смене идеологии и политики. Начатки новой идеологии уже видны, какое политическое оформление она получит, гадать пока не будем. Возможность зафиксировать конец мультикультурной эпохи — а рецензируемая книга Тило Саррацина как раз и стала одним из оснований для такой фиксации — это уже одна из редко выпадающих социологу и исследователю идеологий профессиональных удач.

Примечания:

[1] Иногда название переводится — на мой взгляд, не совсем удачно — как «Германия самоликвидируется».

[2] Lettre Internationale. 30 сентября 2009.

[3] Die Welt Online, 17. Okt. 2010 — <http://www.welt.de/politik/deutschland/article10337575/Kanzlerin-Merkelerklaert-Multikulti-fuer-gescheitert.html>

[4] Там же.

[5] Nolte Paul. RiskanteModerne. Munchen, 2006.

[6] Di Fabio Udo. DieKultur der Freiheit.Munchen, 2005.

[7] Herman Eva. DasEva-Prinzip: Fur eineneue Weiblichkeit.Munchen, 2006.

[8] Hahne Peter.Schluss mit lustig:Das Ende der Spassgesellschaft.Lahr,2004.

[9] Heinsohn G. A Continent of Losers. Interview by Lars Hedegaard // Sappho. May 2007 —
<http://www.sappho.dk / interview-a-continent-of-losers.htm>

[10] С.М.: Bolz Norbert. Diskurs uber die Ungleichheit. Ein Anti-Rousseau. Munchen, 2009. S. 10.

[11] Rickens Ch. Die neuen Spiesser. Von der fatalen Sehnsucht nach einer uberholten Gesellschaft. Berlin, 2007.